

ТОВЕ ДИТЛЕВСЕН
Юность

No Kidding Press

TOVE

Копенгагенская трилогия

Тове Дитлевсен

Юность

«ВЕБКНИГА»

1967

Дитлевсен Т.

Юность / Т. Дитлевсен — «ВЕБКНИГА»,
1967 — (Копенгагенская трилогия)

ISBN 978-5-60447-495-2

Тове приходится рано оставить учебу, чтобы начать себя обеспечивать. Одна низкооплачиваемая работа сменяет другую. Ее юность – «не более чем простой изъяс и помеха», и, как и прежде, Тове жаждет поэзии, любви и настоящей жизни. Пока Европа погружается в войну, она сталкивается со вздорными начальниками, ходит на танцы с новой подругой, снимает свою первую комнату, пишет «настоящие, зрелые» стихи и остается полной решимости в своем стремлении к независимости и поэтическому признанию.

ISBN 978-5-60447-495-2

© Дитлевсен Т., 1967

© ВЕБКНИГА, 1967

Содержание

1	6
2	8
3	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Тове Дитлевсен Юность

Danish Arts
Foundation

Издание осуществлено при поддержке Danish Arts Foundation

Перевод: Анна Рахманько

Редакторка: Ольга Дергачева

Корректрисы: Юлия Кожемякина, Анастасия Сони́на

Верстальщица: Юлия Кожемякина

Адаптация обложки: Юлия Попова

Техническая редакторка: Лайма Андерсон

Издательница: Александра Шадрина

© Tove Ditlevsen & Hasselbalch, Copenhagen 1967. Published by agreement with Gyldendal Group Agency

© Анна Рахманько, перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. No Kidding Press, 2021

1

На первом месте я проработала один-единственный день. Из дома я вышла в полвосьмого, чтобы прийти пораньше – вначале надо стараться изо всех сил, наставляла меня мама. Сама же она в молодости ни на одной работе не продержалась дольше нескольких дней. Я надела платье для второго дня конфирмации, сшитое тетей Розалией. Из голубой шерсти и с мелкими складками впереди – в нем я выглядела не такой уж и плоской. Я шла по Вестерброгаде сквозь редкие яркие лучи солнца, и люди вокруг казались свободными и счастливыми. На Пиле-аллее, рядом с парадной, что уже готова была меня поглотить, их походка сделалась легкой, словно у танцоров, и удача осталась жить где-то по другую сторону Вальбю-Бакке. В темном коридоре витали запахи страха, и я боялась, как бы фру Ольфертсен не решила, что это я принесла их с собой. Тело и движения каменели и становились скованными, пока я стояла и слушала ее дребезжащий голос, который объяснял всё подряд, а между объяснениями, как взбесившаяся пустая катушка, тархтел в непрерывном потоке – о погоде, о юношах, о том, что я высокая не по возрасту. Она спросила, есть ли у меня с собой фартук, и из пустой школьной сумки я достала мамин. Рядом со швом красовалась дырка – со всем, за что отвечала мама, всегда было что-то да не так, и один вид этой дырки меня умилил. Мама была далеко, и я лишь через восемь часов увидела бы ее снова. Я оказалась среди чужих – я, чью физическую силу купили за определенную плату на определенное количество часов в день. Всё остальное во мне им было безразлично. По пути в кухню к нам подбежал маленький мальчик в пижаме. Доброе утро, мамочка, ласково сказал он и прижался к ее ноге, бросив на меня враждебный взгляд. Фру спокойно высвободилась и произнесла: это Тове, поздоровайся с ней как подобает. Он неохотно протянул руку, а когда я ее взяла, пригрозил: ты должна делать всё, что я говорю, а не то я тебя застрелю. Его мать залилась громким смехом и, указав на поднос с чашками и блюдами, велела приготовить чай и подать его в гостиную. Держа мальчика за руку, она осторожно засеменила в комнату на своих высоких каблуках. Я вскипятила воду и налила ее в чайничек, на дне которого лежали чайники. Я не была уверена, что поступаю правильно, потому что никогда в жизни не пила и не готовила чай. Всегда считала, что чай – для богатых, а для бедных – кофе. Локтем я надавила на дверную ручку и в ужасе застыла на пороге гостиной. Фру Ольфертсен сидела на коленях у дяди Вилльяма, о чем существовании я совсем забыла, а Тони лежал на полу, играя с поездом. Фру быстро вскочила и принялась метаться по комнате так, что ее широкие рукава разрезали лучи света на мелкие огненные вспышки. Уж будьте так любезны, прошипела она, стучать, прежде чем войти. Не знаю, к чему вы приучены, но у нас так заведено, и вам тоже следует к этому привыкнуть. Выйдите! Она сделала жест в сторону двери, я смущенно поставила поднос и вышла. Так или иначе, меня словно булавкой кольнули: она обратилась ко мне на «вы». Такого со мной раньше не случалось. Когда я оказалась в коридоре, фру крикнула: стучите! Я подчинилась. Войдите! – раздалось из гостиной, и на этот раз она и безмолвный дядя Вилльям сидели каждый на своем стуле. Густо покраснев от унижения, я немедленно решила, что каждого из них терпеть не могу. От этого меня немного отпустило. Выпив чаю, они удалились в спальню переодеться. Потом дядя Вилльям на прощание подал руку мальчику и жене. Я же явно была предметом, прощаться с которым нет никакой необходимости. Фру вручила мне длинный машинописный список того, что я обязана выполнять в разное время дня. Она снова скрылась в спальне и вернулась с лицом суровым и строгим. Я заметила, что она сильно накружилась и теперь излучала неестественную безжизненную свежесть. Прежде фру казалась мне красивее. Она опустила на колени, поцеловала мальчика, всё еще лежавшего на полу, а затем поднялась, слегка мне кивнула и исчезла. Ребенок мигом вскочил, вцепился в мое платье и заискивающе уставился на меня. Тони хочет анчоусов, объявил он. Анчоусов? Я была огорошена, так как совсем не разбиралась в особенностях детского

питания. Тебе нельзя. Здесь написано – я изучила расписание, – десять часов: оллеброд¹ для Тони, одиннадцать часов: яйцо всмятку и одна витаминка, час дня... Слушать продолжение он не пожелал. Ханне всегда давала мне анчоусы, сказал он нетерпеливо, а всё остальное она лопала сама, и ты тоже можешь. Судя по всему, Ханне была моей предшественницей, и не в моих силах запихнуть что-либо в ребенка, который хочет только анчоусов. Да-да, согласилась я – после ухода взрослых настроение у меня немного поднялось. Где они лежат? Тони вскарабкался на кухонный стул и достал пару жестяных банок, а консервный нож нашелся в одном из ящиков стола. Открывай – протянул мне его мальчик, предвкушая лакомство. Я так и сделала и по требованию Тони усадила его на кухонный стол. Анчоусы один за другим исчезали у него во рту, а когда их не осталось, он попросился поиграть в саду. Я помогла ему одеться и отправила вниз по черной лестнице. Из окна я могла наблюдать, как он гуляет. Мне же тем временем надо было убраться. Один из пунктов в списке гласил: вычистить ковры подметальной машинкой. Я подхватила тяжеленное механическое чудовище и устремилась с ним к большому красному ковру в гостиной. Чтобы испытать машинку, я повозила по каким-то ниткам, но те и не думали исчезать. Тогда я встряхнула ее и что-то покрутила, из-за чего крышка открылась и на ковер вывалилась груда мусора. Машинку было не собрать, так что, не зная, как поступить с мусором, я затолкала его ногой под ковер и потопталась по бугорку, чтобы его выровнять. За этими хлопотами время незаметно подошло к десяти, и во мне проснулся голод. Я съела первое блюдо из расписания Тони и подкрепились несколькими витаминками. Дальше по списку – почистить всю мебель щеткой с водой. Я ошарашенно уставилась на список и обвела взглядом мебель вокруг. Странное дело, но, наверное, у них так заведено. Я нашла добротную жесткую щетку, набрала в таз холодной воды и приступила к работе прямо тут же, в гостиной. Я терла настойчиво и добросовестно, пока не добралась до середины рояля. Вдруг меня осенило: здесь точно что-то не так. На тонкой полированной поверхности щетка оставила сотни мелких царапин, и, как от них избавиться до прихода фру, было абсолютно непонятно. Ужас холодной змеей пополз по коже. Я снова прочла список: почистить всю мебель щеткой с водой. Как бы я ни толковала указание, оно оставалось ясным и рояля не исключало. Может, они не считают его мебелью? Уже час дня, к пяти хозяйка будет дома. Я ощутила такую жгучую тоску по маме, что решила не терять ни минуты. Быстро стянув фартук, я из окна позвала Тони и объяснила, что нам нужно заглянуть в магазин игрушек. Он поднялся наверх, и, переодев его, я помчалась за руку с ним по Вестерброгаде так, что он едва за мной поспевал. Нам надо домой к моей маме, еле выговорила я задыхаясь, поедим там анчоусов. Мама очень удивилась, что я заявила в такое время, но после рассказа о поцарапанном рояле разразилась смехом. Ох, боже мой, стонала она, ты серьезно чистишь рояль щеткой с водой? Ох, ну как можно быть такой глупой! Неожиданно она приняла серьезный вид. Послушай, сказала она, тебе не стоит туда возвращаться. Мы запросто пристроим тебя на другое место. Я была благодарна маме, но ее реакция меня не слишком поразила. Такое было в ее духе, и, будь ее воля, Эдвин тоже мог бы поменять мастерскую, где проходил обучение. Да, согласилась я, но как мы объясним всё отцу? Ах, ответила она, мы расскажем историю с дядей Вилльямом, отец подобных вещей терпеть не может. Веселье охватило нас обеих, словно в старые добрые времена, и, так как Тони, не дождавшись анчоусов, снова принялся плакать, мы повели его с собой на Истегаде и купили еще две банки. Около четырех часов дня мама с мальчиком отправилась обратно к фру Ольфертсен и забрала оттуда фартук и мою школьную сумку. Я так никогда и не узнала, что сказала фру об испорченном рояле.

---

¹ Датское блюдо – каша из темного ржаного хлеба и пива. – *Здесь и далее приводятся примечания переводчицы.*

2

Я устроилась в пансионат на Вестерброгаде, рядом с Фрихедсстёттен². Для мамы идея отправить меня в другой квартал города была немыслимой – всё равно что услат в Америку. Каждое утро я прихожу к восьми и работаю двенадцать часов в закопченной и сальной кухне, где никогда нет покоя и тишины. Когда вечером я возвращаюсь домой, у меня не хватает сил ни на что, кроме как лечь спать. На этот раз тебе нужно продержаться на работе, говорит отец. Мама тоже считает, что работа идет мне на пользу; кроме того, увертка с дядей Вилльямом больше не пройдет. Я не думаю ни о чем, кроме как выбраться из этого жалкого существования. Стихов больше не пишу, потому что ничто в повседневной жизни не вдохновляет меня на это. В библиотеку больше не хожу, совсем. И хотя по средам с двух часов дня я совершенно свободна, всё равно сразу отправляюсь домой спать. Пансионат принадлежит фру и фрекен Петерсен. Это мать и дочь, но мне они кажутся одного возраста. Кроме меня здесь устроена девушка шестнадцати лет по имени Ирса. Она стоит намного выше меня, потому что, когда гости пансионата садятся есть, надевает черное платье, белый фартук и белый чепец и снует туда-сюда с тяжелыми блюдами. Она горничная и подает еду. Через два года, как обещают хозяйки, мне тоже это будет позволено, и я стану зарабатывать сорок крон в месяц, как и Ирса. Сейчас я получаю тридцатку. Мне нужно поддерживать огонь в печи, убираться в комнатах трех постояльцев, в туалете и кухне. Хотя я и делаю всё впопыхах, но сбиваюсь и вечно не успеваю со всем справиться. Фрекен Петерсен ругается: вас что, мама никогда не учила выжимать половую тряпку? Вы что, раньше никогда не чистили туалет? И нечего кривиться! Надеюсь, вам в жизни не придется делать ничего тяжелее, чем здесь. Ирса – маленькая и худая, с узким бледным лицом и вздернутым носиком. После обеда, пока хозяйки спят, мы пьем кофе за кухонным столом, и она выдает: если бы у тебя под ногтями не было вечной черноты, тебе разрешили бы подавать еду. Так сказала фру Петерсен. Или: если бы ты хоть разок вымыла голову, то могла бы показываться на глаза гостям, это уж точно. Для Ирсы не существует мира вне стен пансионата, как не существует и более высокой цели, чем сновать вокруг стола во время каждого приема гостей. На замечания от нее или хозяек я никак не реагирую – они сыплются, словно меня обстреливают из рогатки, но никогда не попадают в цель. Пока мы с Ирсой моем посуду, за нашей спиной хозяйки на плите варят еду в больших кастрюлях и разговаривают о своих болезнях, которые гонят их от врача к врачу – никто не может им угодить. У них камни в желчном пузыре, атеросклероз, слишком высокое давление, боли повсюду, таинственные внутренние расстройства, а после приема еды в животе каждый раз раздаются мрачные предупреждения. По воскресеньям они дефилируют по проспекту Грённинген мимо Дома инвалидов, чтобы поднять себе настроение, глаза на калек. Впрочем, они с гадким удовольствием унижат всех и вся. В особенности у них всегда найдется что-нибудь против любого постояльца пансионата: хозяйкам всё известно о личной жизни гостей, и ее сокровенные подробности они обсуждают, пока раскладывают для Ирсы еду по тарелкам и жалуются, сколько же эти люди едят. Иногда кажется, что их низкие и подлые мысли просачиваются мне под кожу, и я почти не могу дышать. Но чаще всего такая жизнь представляется мне невыносимо скучной, и я с горечью вспоминаю мое разнообразное и насыщенное событиями детство. В короткий промежуток дня, когда у меня хватает сил для разговоров с матерью, я расспрашиваю, что происходит у нас и соседей по дому, и жадно впитываю каждую бодрящую новость. Герда сейчас работает на заводе «Карлсберг», пока ее мать присматривает за малышом. Рут начала водиться с парнями, как этого и следовало ожидать, считает моя мама, – не стоит усыновлять чужих детей. Эдвин стал безработным и часто заглядывает к нам домой. Но ты не расстраивайся, говорит

² Мемориал Свободы в Копенгагене в память об отмене крепостного права в 1788 году королем Фредериком VI.

моя мама, он больше не кашляет так сильно. Меня это всё равно немного тревожит, ведь отец всегда твердил, что мастера-ремесленники не могут быть безработными. Боже, произносит она возбужденно, чуть не забыла рассказать: дядя Карл попал в больницу. Он страшно болен, и удивляться тут нечему, учитывая, как он жил. Тетя Розалия навещает его каждый день, но для нее будет лучше, если он умрет. И маргарин подорожал у Ирмы на два эре – ну не слишком ли? Теперь он стоит сорок девять эре, отвечаю я, потому что всегда была осведомлена о ценах, ведь я ходила по магазинам – одна или в сопровождении мамы. Только бы отец удержался в мастерской Эрстед, продолжает она, ведь он там уже три месяца, хотя работать ночами – то еще удовольствие. Ее болтающий голос мягко оплетает меня в нарастающей темноте, пока я не засыпаю сидя, с руками на столе.

Однажды вечером я, как обычно, просыпаюсь от этой позы под звон чашек и запах кофе. Сонная, я поднимаю голову и выхватываю взглядом имя в газете: редактор Брохманн. Очнувшись, я пристально смотрю на него и медленно осознаю, что это некролог. Меня словно обухом ударило. И в голову не приходило, что он мог умереть до того, как истекут два года. Я воспринимаю это так, будто он бросил меня и оставил в мире без малейшей надежды на будущее. Мама разливает кофе и ставит кофейник прямо на его имя. Пей, говорит она и усаживается на другой стороне стола. Она сообщает: Людвиг-Красавчик попал в учреждение. Мать его умерла, и за ним пришли и забрали. Да, произношу я, и снова чувствую, что мы бесконечно далеки друг от друга. Она добавляет: скорей бы у тебя появился велосипед. Осталось всего два месяца. Да, соглашаюсь я. Каждый месяц я плачу десять крон дома, десять откладываю в банк на свою старость, и еще десять остаются мне. Сейчас мне безразличен велосипед, как и всё остальное. Я пью кофе, и мама спрашивает: ты такая тихая, что-то случилось? Она произносит это резко, потому что любит меня, лишь когда моя голова занята ей одной и я не держу никаких потайных мыслей для себя. Если ты не прекратишь быть такой странной, никогда не выйдешь замуж. А я совсем и не хочу, говорю я, хотя прямо сейчас сижу и раздумываю над этим сомнительным решением проблемы. Вспоминаю о призраке детства – стабильном мастере. Я не имею ничего против мастера, это всё слово «стабильный» – оно преграждает путь к светлым мечтам о будущем. Оно серое, словно дождливое небо, через которое не может пробиться ни один жизнерадостный луч солнца. Мама поднимается. Ну, говорит она, пора спать. Завтра рано вставать. Спокойной ночи, с недоверчивым и оскорбленным видом произносит она в дверях. После ее ухода я поднимаю кофейник и перечитываю некролог. Над именем изображен черный крест. Дружелюбное лицо Брохманна возникает передо мной, и я слышу его голос: возвращайся через пару лет, дружок. Слезы падают на буквы, и кажется, это самый тяжелый день в моей жизни.

3

Я погрузилась в продолжительный ступор, который отбил у меня охоту что-либо делать. Вы спите на ходу, упрекали хозяйки, но их замечания производили на меня еще меньше впечатления, чем прежде. У меня пропало желание разговаривать с мамой. Однажды вечером Эдвин пришел с приглашением от Торвальда – я отказалась. У меня не было никакого желания танцевать с молодым человеком, который оценил мои стихи. Может быть, его отец знаком с другим редактором, который тоже умрет прежде, чем я стану достаточно взрослой, чтобы писать настоящие стихи, зрелые. Я стала часто холодеть от страха и больше не осмеливалась подвергать себя разочарованиям. Наступило лето. Когда я вечерами возвращалась домой, прохладный воздух, словно шелковый носовой платок, остужал пылавшие от печи щеки и навстречу шли молодые девушки в светлых платьях, рука об руку с возлюбленными. Я чувствовала себя одной-одинешенькой. Из девочек, собиравшихся у мусорных баков, сейчас я знала только Рут, и она всегда кричала мне: привет, – когда я проходила через двор. Мой взгляд поднимался по стене парадного здания, переполненного жизнью и воспоминаниями, – по стене плача моего детства, за которой люди ели и спали, ругались и дрались. Я шла вверх по лестнице в платье с пышными рукавами, красном в синий горох, – моем единственном летнем платье. Иногда в гостиной сидела Ютте и курила сигареты, которыми угощала и мою маму. Мама курила неуклюже и неловко, и дым всё время попадал ей в глаза. Теперь Ютте работала на табачной фабрике. Отец считал, что она ворует сигареты, но маме это было не важно, ведь она всегда нуждалась в подруге намного младше ее самой, потому что сама была такой молодой – хотя в ее черных волосах появились седые прядки и она раздалась в бедрах. Из-за этого она часто ходила в парную в бане на Люрсковгаде, после чего дома возбужденно рассказывала, какие ужасно толстые все остальные женщины.

Однажды вечером в дверь кухни пансионата позвонили, и, отперев, я обнаружила за порогом Рут. Привет, улыбнулась она, ты уже идешь домой? Мне нужно тебе кое-что рассказать. Да, ответила я, подожди снаружи. Вылив остатки помоев, я сняла фартук и выскользнула к ней, словно между нами была тайная связь, о которой никому нельзя знать. Что ей от меня нужно? От меня уже давно никому ничего не было нужно. Рут – в белом парусиновом платье с короткими рукавами и с широким черным лакированным ремнем вокруг талии. Губы накрашены, а брови выщипаны, в точности как у моей мамы. И хотя Рут по-прежнему маленького роста, она кажется очень взрослой на вид. Мы молча выходим на улицу, и тут Рут принимается тараторить так, словно мы никогда не прекращали общаться. Она говорит, что Минна закончила школу и нашла в Остербро работу с проживанием. Остербро? – переспрашиваю я огорашенно. Да, подтверждает Рут, но у нее всегда не хватало винтиков в голове. Тем не менее это не наполняет меня радостью, как можно было бы ожидать. Я просто думаю, что Рут никогда ни по кому не скучала. Она списала Минну так же легко, как, вероятно, год назад списала меня. В ее сердце нет места для глубоких и прочных чувств. На Сундеведсгаде, где мне нужно свернуть, мы останавливаемся. Ты еще даже не слышала, произносит Рут, что я хотела рассказать. Я с неохотой плетусь за ней, потому что теперь моей маме придется ждать напрасно, и, если ожидание затянется, она отправится в пансионат спросить обо мне. Узнав, что я уже ушла, она твердо решит, что произошло несчастье. Но Рут слегка выпускает какие-то из своих прежних чар, заставляющих меня делать то, до чего бы я сама никогда не додумалась. Она говорит, что у нее есть возлюбленный, юноша шестнадцати лет по имени Айвинн из переулка Америкавай. Он ученик механика и однажды женится на Рут. Он лишил ее девственности, и это было «чертовски прекрасно». Кроме того, она познакомилась с очень богатым мужчиной, букинистом с улицы Гаммель-Конгевай. Именно к нему она и хотела меня отвести. Она уже бывала у него одна, и он пробовал ее соблазнить, но ничего такого, целомудренно добавляет

Рут, причинить Айвинну она не хочет. Богатого мужчину зовут херре³ Крог, и он хочет уговорить своего лучшего друга Хольгера Бьерре сделать из Рут хористку. И из тебя тоже, заверяет Рут, он обещал. Из меня? Надежда тонкой полоской промелькивает у меня в голове. Хористка танцует на сцене каждый вечер, а днем может заниматься всем, чем пожелает. Я отлично осознаю, что дома этого никогда не разрешат, но рядом с Рут мир никогда не кажется совсем настоящим. И представляешь, продолжает она взбудораженно, он очень стар и вдобавок болен. Когда я бывала у него, то думала, что он умрет от остановки сердца – так сильно он кашлял, пыхтел и стонал. Он живет совсем один и, если мы будем с ним очень милы, может, завещает нам всё свое имущество, и тогда Айвинн сможет открыть собственную мастерскую. Она с восторгом смотрит на меня своими ясными, полными силы глазами, и от этого сумасшедшего плана настроение у меня поднимается. Я знаю, зачем ей нужна, и заявляю: этого я делать не хочу, а вот увидеть его хочу. Рут хихикает, прикрывая рот рукой, и одновременно вытирает нос большим пальцем. Она предупреждает, что он отвратительно выглядит, но стоит помнить о деньгах и о будущем в роли хористок. Квартира херре Крога – на последнем этаже дома, который совсем не похож на жилище миллионеров. Мы звоним в дверь – с другой стороны раздается сильный кашель. Сама слышишь, шепчет Рут, ему недолго осталось. После продолжительного дребезжания предохранительной цепочки и ключей дверь приоткрывается и показывается лицо хозяина. Мгновение он смотрит недоверчиво, затем снимает дверную цепочку и впускает нас. Ах, вскрикиваю я, как много книг! Стены гостиной – почти все в книгах и увешаны большими картинами, которые мне доводилось видеть только в музеях. Херре Крог не произносит ни слова, пока мы усаживаемся. Он внимательно смотрит на меня и любезно интересуется: тебе нравятся книги? Да, отвечаю я и рассматриваю его. Он не так стар, как описала Рут, но и совсем не молод. Совершенно лысый, с толстыми красными щеками, будто он много времени проводит на свежем воздухе. Глаза карие и немного меланхоличные, как у моего отца. Мне он нравится, и, кажется, я ему тоже. Он готовит для нас кофе, и Рут спрашивает, удалось ли ему поговорить с Хольгером Бьерре. Нет, к сожалению, он в отпуске. Когда он смотрит на Рут, взгляд скользит вверх и вниз по ее телу, но, к счастью, ко мне он, кажется, не проявляет никакого интереса. Он угощает нас пирожными и рассуждает о хорошей погоде и о молодых девушках в городе – словно цветы распустились на мостовой. Это зрелище, говорит он, будоражит. Рут скучно, и она пинает меня под столом. Я спрашиваю: как вы считаете, могла бы я тоже стать хористкой, херре Крог? Ты?! – восклицает он с удивлением, нет, ты совсем для этого не подходишь. Подходит, возражает Рут, если ей завить волосы, покрасить и тому подобное. Без одежды она красивая. Я краснею и впервые в жизни злюсь на Рут. Херре Крог переводит взгляд на меня и говорит: как, черт побери, вы нашли друг друга? Я спрашиваю разрешения взглянуть на книги, и он, услышав, что я люблю стихи, показывает мне, где они стоят. Беру наугад том, открываю. С восхищением и радостью читаю:

---

³ Herre – господин (датск.); вежливая форма обращения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.